Мой Гагарин

Марина ГАНИЧЕВА

К 60-летию полёта первого человека в космос

У каждого человека есть свой космос, своя ракета и свой Гагарин.

Я родилась на год раньше полета Гагарина. А в два года уже стояла на табуретке и читала, плохо выговаривая звук «р»:

Летит, летит ракета
Вокруг земного света,
А в ней сидит Гагарин,
Простой советский парень…

И все мне было в этом стишке понятно и близко.

И ракеты настоящие я видела на ВДНХ в павильоне «Космос», жили рядом, ходили с папой и мамой туда гулять, и на наших глазах взметнулся вверх памятник покорителям космоса: такая летящая вверх ракета; и что такое круглый земной свет тоже знала – голубой шар, похожий на голубой колобок. И, конечно, простой советский парень Гагарин тоже

был мне знаком. Можно сказать, он был знаком каждому в нашей стране. Везде висели и печатались его портреты, и Гагарин каждому был старший брат, отец, сын, друг, самый близкий человек после мамы с папой.

Мой папа дружил с Гагариным, у них было много общих дел, они ездили к писателю Шолохову вместе с другими писателями на Дон, в станицу Вешенскую, там переплывали вместе Дон и папа едва не утонул, как он рассказывал, потому что не был такой тренированный, как Гагарин. Но Гагарин вовремя уловил его эту усталость и обратно поплыл потише, да и держал на всякий случай в поле бокового зрения слабачка.

Потом папа, историк, вместе с поэтессой и филологом Ларисой Васильевой, рассказывали Гагарину о всяких древностях, о русской истории, показывали древнерусские красоты Суздаля, Владимира, Переяславль-Залесского… Тогда же Юрий сказал, что хотел бы, чтобы кто-то из его девочек, дочек, занялся изучением искусства Древней Руси, как бы это было здорово и где бы это можно было сделать? И они рассказали ему об искусствоведческом отделении на историческом факультете Московского университета. Он мечтал, чтобы кто-то из девочек там учился. Так все и случилось. Все мечты у Гагарина сбывались. Или не все? По крайней мере, те, о которых мы знаем.

Его дочь Леночка, на год старше меня, училась на историческом факультете на искусствоведении, с моим будущим мужем Сашей на одном курсе. Была, по воспоминаниям всех мальчишек с курса, доброй и не заносчивой, но сдержанной, никогда не жалела занять денег, улыбалась как отец и занималась древнерусским искусством. Все как хотел папа! А сейчас она директор музеев Кремля.

Тогда же папе удалось вместе с Гагариным вставить в его речь на каком-то важном комсомольском собрании строки о том, что надо восстановить Храм Христа Спасителя и Триумфальную арку как памятник победы в 1812 году над Наполеоном. Гагарин очень болел за нашу историю. А многие были удивлены этим его словами. Как же, только еще недавно разрушали храмы, а теперь сам Гагарин призывает их восстанавливать. Один такой удивлённый повернулся к папе и спросил: «Разрешили ли Гагарину сказать такое наверху?», имея в виду начальство. А папа мой, человек с большим чувством юмора, поднял многозначительно палец вверх: «Конечно, на саааамом верху!», имея в виду Бога.

А у меня был свой Гагарин.

Вместе с Гагариным наша семья отдыхала рядом с «Артеком» у подножия горы Аю-Даг. Нас было несколько семей, Гагарин хотел чуть-чуть отдохнуть от внимания всей планеты, побыть с женой, с дочками, с друзьями обыкновенным человеком. Таким я его увидела в своем детстве – обыкновенным дядей Юрой, всегда улыбающимся, спортивным, добрым. Родители сидели на пляже и все время смеялись, играли в волейбол, катались на водных лыжах, они были молоды и радостны. Мы тоже возились где-то рядом, шныряли между ног, строили замки, грелись на солнце и грелись под взглядами родителей, которые тоже с нами бывали редко, все больше работали. А я вечно ждала папу с работы и не засыпала до двенадцати, потому что он всегда заходил в мою комнату поцеловать меня перед сном, рассказать какую-нибудь историю и положить под подушку конфетку, которые отовсюду утаскивал для меня. И только в отпуске можно было быть с ними рядом, сколько захочешь, хотя и тогда папа все время что-то писал, читал и, как говорила мама, работал…

Родители молодые-молодые, вечерами засиживались с друзьями за столом, мы слышали, как они пели, здесь певуньей была моя мама, но и Юрий Алексеевич с удовольствием подтягивал. Песни выводили народные и комсомольские, революционные и лирические, много песен Пахмутовой, которая очень любила Гагарина, а её песни любила вся советская молодежь. Мама заводила еще обязательно дивные, мелодичные украинские песни, а все заслушивались и тоже старались подтянуть. Засиживались они заполночь, нас, детей, отправляли спать по режиму. А потому на следующий день родители просыпались не рано, а дети бродили с утра неприкаянные. А вот Гагарин вставал всегда рано, видимо, привык к дисциплине и распорядку дня, делал на берегу зарядку, плавал долго и далеко, рассекая море косыми, четкими саженками.

Мы, дети, сгрудились вместе на берегу и наблюдали за каждым его шагом. Нам было скучновато, и только Юрий Алексеевич задорно подмигивал нам, выходя из моря, обтирался полотенцем и задавал разные вопросы, интересуясь нашей детской жизнью. До всего ему было дело. И кто креветок вчера ловил, и кого медуза «покусала», и какие палки мы собираем на вечерний костер… Откуда только узнал, что мы задумали развести костер втайне от родителей и кто-то из наших уже стащил у своего папы спички…

– Слушайте, гвардия, а давайте возьмем лодку и отправимся в путешествие – ловить крабов! Нет возражений?

Ну, тут мы запрыгали до самого неба, глаза наши стали круглыми и мы даже потеряли дар речи… От нас родители слегка отмахивались, отпуск все-таки, и почитать, и позагорать хочется, не больно-то нас баловали совместными играми, а тут… Сам Гагарин предложил плыть с ним на лодке! Да это все равно, что полететь с ним в космос на одном корабле… Никакой разницы. Оттого мы в первую минуту онемели, а потом заорали во все горло наше русское «Ураааа!», а Гагарин быстро натянул треники, вьетнамки и пошел к лодочной станции, махнув нам рукой следовать за ним.

– Айда, гвардия!

Мы потянулись за ним гуськом, подпрыгивая и на ходу застегивая сандалии, натягивая панамки.

Вместе, с залихватскими криками столкнули лодку в прозрачную утреннюю воду. Гагарин сел на весла, а нас, человек семь или восемь разного возраста ребятишек, в том числе и своих дочек, Лену и Галю, и Сашу Шолохова, внука писателя, и дочку-красавицу Сергея Павлова рассадил на корму и на нос, чтобы распределить примерно одинаково по весу. Какой же он был смелый, сейчас чужих ребятишек никто не повезет кататься на лодке, вдруг бултыхнутся, оступятся, а ты отвечай. Он же всех как-то видел, за всем следил, подбадривал, кое-кто из нас немного боялся, и при этом еще мощно и широко загребал веслами воду. Мы поплыли к подножию Аю-Дага, загадочной и такой притягательной для нас горы. Все мы знали, что в переводе это значит Медведь-гора, и легенду про этого медведя знали. Берег был скалистый, с навесами из пещер, большими валунами и камнями на берегу и камешками на дне, среди которых, загребая большими клешнями в бок, ползали крабы, зарываясь быстро-быстро в дно, в песок или забиваясь между камнями. Был утренний штиль, тишина, только всплески от весел, дно светилось изнутри, играя камешками, вокруг прыгали солнечные зайчики, расплываясь золотыми пятнами по поверхности воды, лучи солнца падали в воду и скользили по дну, вылавливая и высвечивая для нас дивные причудливые картинки. Мы вглядывались в них, свесившись по бортам, но цепко держались за боковину лодки. Как же, нельзя подвести первого космонавта Земли, это уж мы все понимали.

Всплеск – волна, всплеск – волна… а вокруг небывалая тишина и покой, море сливается с небом и светлые глаза человека-вселенной, лучшего человека Земли напротив. Так выглядело счастье… Так в моих воспоминаниях-ощущениях выглядит оно и до сих пор.

Лучший человек Земли и Неба – так считала и моя любимая бабушка Настя. Она, конечно, слов таких не говорила, была не шибко грамотной, но точно знаю, что была очень мудрой и рассудительной. Она-то и почитала Юрия Алексеевича, и потчевала его у нас дома своими знаменитыми варениками с вишнями. Мой папа Валерик, любимый зять, после этого подарил ей большую высокую фотографию Гагарина в железной окантовке, такие делали для подарков в издательстве «Молодая гвардия», где он был директором.

Такую же фотографию подарили и моей сестре Галке, когда она поступила в Москву в «Станкин», и она стояла у нее в студенческом общежитии рядом с кроватью, встречая сестренку всегда улыбкой. И вот бабушка тоже устроила эту высокую фотографию улыбающегося Гагарина на свой чудесный комод в центре залы. Комод был покрыт белоснежной накрахмаленной салфеткой и там стояло всё самое красивое и интересное: раковина с шумом моря, сувениры, которые привозила ей мама, графин золотая рыбка с рюмочками – тоже в виде рыбок с золотым ртом; что-то еще весьма занимательное для нас, детей, но что нельзя трогать, «потому что разобьешь»… Там, рядом с большим Гагариным, стояла и какая-то старинная открытка религиозного содержания, теперь уж не помню какого, но много раз видела, как бабушка с утра стояла у комода и что-то шептала; были в этом неразборчивом шепоте и слова «Отче», «Небеси», «иже», и «Богородицу» она припевала едва слышно, и еще что-то, что я не совсем понимала. Я ничего не знала религиозного, но отчего-то понимала, что бабушка молится. У нас об этом никогда не говорили, нельзя, папа коммунист и начальник, а больше всего бабушка боялась подвести своих детей. Хотя все праздники у нас справлялись, и Пасха была лучшим днем на свете.

Так вот, бабушка стояла у комода, смотрела, как мне казалось, на Гагарина, и молилась. Я наблюдала за этим сквозь смеженные ресницы и думала о том, что это лучший человек Земли и Неба, даже, может, и Бог, ну или его самый любимый сын, или почтальон с Неба. Мне тогда очень нравились почтальоны с их кожаными сумками, которые приносили каждый месяц бабушке пенсию в двадцать рублей «по потере кормильца», она становилась такой радостной и мы шли с ней «под больницу» за мороженым.

И вот я, с этим чудо-человеком, подобным какому-то высшему существу, плыву в одной лодке, загребая правой рукой воду за бортом и слегка поеживаясь от брызг, соскользнувших с его весла. Так выглядит счастье.

Пока я мечтала, мы подплыли к берегу, выбрались из лодки, и заскакали по камням, высматривая крабов.

Юрий Алексеевич затащил лодку подальше на берег, сбросил треники, и слегка переваливаясь с ноги на ногу, потому что камешки впивали в подошву, подошел к нам.

– Ну, гвардия, знаете, как краба надо ловить? Он же что, боком вон от вас улепетывает, да так быстро… А вы должны точно его разглядеть, вода-то все искажает, потому надо не торопиться, не спугнуть его, разглядеть и, хвать за бока. Обязательно за бока, чтобы он своими клешнями в вас не впился… Как будто подмышки его взять… И с кормы.

И он ловко ухватил первого краба, который неспешно передвигался под большой валун, еще не подозревая, какая честь его ждёт!

Ну, что тут началось! Мы все кинулись на бедных крабов, которых и разглядеть-то не успели, и не каждый на своего, а всем гуртом на одного, тут пошли крики и стоны, потом слезы и причем горькие, над хватавшими нас клешнями крабами. Гагарин хохотал, подхватывал нас и отнимал нас у крабов. Потом побежал, переваливаясь, по воде к лодке, схватил пакет и мы начали собирать в него добычу.

Сквозь воду крабы казались большими, но вода с лучами солнца преломляла все, получались линзы, которые увеличивали изображение, поэтому по дну ползали большие чудовища с выпученными глазами, а в мешке оказывались малюсенькие абракадабрики с глазками-пуговками на ниточках и маааленькими клешнями. Меня это веселило, а потому я не столько ловила, сколько рассматривала пойманных сквозь пакет с водой, который держал Гагарин. Он обернулся ко мне, почувствовав на себе чей-то внимательный взгляд, и его улыбка соединилась со снопом солнечных лучей в один какой-то переливающийся золотом шар:

– Ну что, Маринка! Будем вечером с тобой кефир пить! Заработали на кефир? Вон сколько крабов наловили…

И, подмигнув, подхватил меня подмышки, усадил на большой валун. Я согласно кивнула в ответ, уже ничуть не смущаясь…

Это была еще одна наша с ним история. В первый же день маму с папой и меня усадили с семьей Гагариных за один стол в столовой. Папа был с ним в друзьях, а мы-то с мамой видели его в первый раз. Для нас он был небожитель, как сказал о нем папе знаменитый скульптор деревянных скульптур Коненков. Но Юрий Алексеевич умел в несколько минут расположить к себе, вести себя так, что ты сразу забывал, кто перед тобой, а чувствовал себя как будто ты его сто лет знаешь, он твой сосед или друг, который совсем не кичится ни своей знаменитостью во всем мире, ни своей усталостью от людей, а, наоборот, для него очень важно, что ты думаешь, как ты себя чувствуешь рядом с ним, не доставляет ли он тебе каких-то трудностей, не смущает ли тебя… И ни на йоту высокомерия или превосходства. Наоборот. Удивительный дар был у него. От Бога. Дар любви. К людям, к детям, к миру.

И он сумел в несколько шагов так расположить маму к себе, что в ответ на его шутки, прибаутки, папины веселые истории она решила рассказать про меня. Кажется, в тот момент за столом меня уже не было. Намучившись с моим кормлением, меня отправляли гулять, «чтоб не позорила перед людьми», сурово взглянув на меня, шепотом добавляла мама. Вообще-то мамы всегда рассказывают веселые истории про своих детей. Так делала моя мама, так делаю и я, рассказывая заодно теперь и про внуков.

И моя мама рассказала, что когда меня спросили при чтении этих знаменательных стишков «Летит, летит ракета вокруг земного света, а в ней сидит Гагарин – простой советский парень», «а кто такой Гагарин?», то я, не моргнув глазом и не раздумывая, мгновенно ответила: «Это тот, кто пьет кефир…». В саду была немая сцена, а мама говорит: «Это потому что ей все время говорила нянечка, когда она не хотела пить кефир, она его не любит, пей кефир и будешь как Гагарин. В космос полетишь. Он тоже много кефира пьет». Гагарин хохотал, сказал, что всяко его называли, а вот кефиролюбом, кефироедом еще никто не называл, и теперь всегда подмигивал мне, когда на полдник или на завтрак нам подавали кефир. Ну, тут уж никуда не денешься – надо было пить, даже не сморщившись.

…Обратно возвращались мы слегка «разваренные», столько переживаний, да и солнце нас подкоптило, а я быстро «сгорала». Но на обед нам, ребятишкам, дали по вареному крабу и мы гордо делились с родителями, поглядывая на Гагарина как на нашего предводителя и закадычного друга. Все-таки вместе на «охоту» ходили, добытчики…

А после обеда все были на пляже. Лениво отдыхали родители за книжкой, разговорами, шахматами, кто-то подхватился в волейбол, мы строили что-то из камешков, выковыривали креветок, зарывавшихся в песок на островках перед водой. От Артека нас отделяла металлическая сетка-забор и длинный, уходящий далеко в море мол. Вдруг за молом все мы увидели точку, которая поворачивала к нам, сначала стремительно, а потом все тише и тише, видимо, устал человек…

За забором был слышен гомон детских голосов, когда всей ватагой пионеров запускали в море, потом нестройные пионерские песни, которые постепенно становились звонче и стройнее, когда пионеры шли на обед. Это жила своей пионерской жизнью дружина «Морская». Мы же завидовали этим детям со своего берега и мечтали когда-нибудь побывать в «Артеке» – республике счастливцев. Так и будет, в 6 классе я буду распевать песни в «Морской» дружине, но это уже другая история…

Постепенно точка в море превратилась в человека, и вот мы уже видим молодого кудрявого парня, который вылез из моря и решительно направился в сторону Гагарина, судя по всему узнал он первого космонавта сразу… Все немножко насторожились, папа поднялся с лежака и придвинулся поближе к Юрию Алексеевичу. Парнишка же, слегка смущаясь, тяжело отдыхиваясь от долгого плаванья, обратился сразу к Гагарину:

– Дорогой Юрий Алексеевич! Пионеры нашей дружины «Морская» узнали, что вы отдыхаете рядом и меня направили к вам! Мы вас очень, очень просим…

Он запнулся, сжал руки в кулаки, как бы показывая, как сильно они просят Гагарина, и повторил:

– Мы вас очень просим, приезжайте к нам в гости…

Потом оглянулся на всех нас и добавил:

– У нас и пироги будут к ужину… С яблоками. И костер…

Гагарин заразительно рассмеялся, взглянул на сразу огорчившуюся жену, дочек, на нас всех, понимающих, как мало он отдыхал от людей, от выступлений, как мало бывал с женой, дочерьми, с друзьями… Как он, наверное, устал от людей…

И парень это все почувствовал в наших взглядах, как-то сразу сник, чувствуя всю правду этих взглядов и причин, но Юрий Алексеевич не дал ему даже никакого повода загоревать, тут же поднялся, пожал ему руку и сказал:

– Тебя как зовут?

– Павел. Старший пионервожатый…

– Ну раз просят, Паша, надо уважить нашу пионерию… Да еще пирог… С яблоками. Мой любимый…

И махнул залихватски рукой в сторону «Артека». Тут все облегченно, включая Пашу, засмеялись. Паша стал благодарно трясти руку Гагарина, повторяя: «Спасибо! Спасибо! Вот уж спасибо так спасибо!», и, не сказав больше ни слова, ни как Гагарин к ним доберется, ни когда приходить, бросился к морю, бултыхнулся и мелкими саженками поплыл обратно… Впрочем, Гагарин все знал про Артек, после своего полета он много раз бывал в гостях у пионерии, а еще, говорят, часто играл там в биллиард, старинный, еще дореволюционный, который стоял в корпусе администрации в «Морской».

Вечером Гагарин вернулся со встречи, рассказывал, угощал нас пирогом с яблоками, которым его нагрузили с собой, а я на всю жизнь запомнила эту его невероятную отзывчивость и то, что ни тени неудовольствия не промелькнуло на его лице, ничем он не обидел этого Пашу и пионеров, хотя как уж он устал, встречаясь со всей планетой, отвечая на вселенскую любовь к нему… Сколько было этих встреч, сколько надо было рассказывать и просто истуканом стоять, чтобы все только смотрели на тебя… И ни одного недовольного взгляда, ни одной недовольной искры в глазах. Ясный, доброжелательный, открытый взгляд таких родных глаз. «Чистосердечен. Чист душой и телом», – прочитала в психологической характеристике на него при принятии в отряд космонавтов. Вот это точно! Чист душой и телом.

Теперь, когда я, как редактор и человек с большим кругом общения, иногда устаю от людей, и мне хочется сказать: «Ребята, я так устала от встреч, от общения, давайте пропустим в этот раз, приходите через недельку», я всегда вспоминаю Юрия Алексеевича Гагарина на том, артековском берегу, и мне становится очень стыдно…

Моя дочка, когда работала в школе в 2000-е годы, рассказывала как-то про Гагарина своим шестиклассникам. Она умела зажечь, а потому дети слушали ее, замерев, почти не дышали. И тут девочка с первой парты прошептала еле слышно: «А какой он был, Гагарин?». Это было время, когда еще все советское было не в чести и вместе с коммунизмом вылили на свалку все, в том числе и космос, и Гагарина, и станцию «Мир», и «Буран»… Дочка с разбегу остановилась и никак не могла взять в толк, о чем она? «Ты никогда не видела?» – «Нет». «А кто еще не видел?» – и поднялся лес рук. Весь класс. Тогда Настя бросилась ко мне на работу, мы искали в интернете лучшие фотографии Гагарина, среди них была и та, бабушкина, а потом весь вечер распечатывали их на струйном принтере. На следующий день она подарила каждому в классе портрет Гагарина на память и еще пол-урока рассказывала в обход программы о первом космонавте Земли.

Его портрет-открытка 1962 года, молодого, слегка улыбающегося, в военной форме стоит у меня и сегодня дома среди фотографий родителей, родственников, дочери и внуков, как будто это мой родственник, родня, родова. Так и есть. Моя родня, несравненно ближе мне моих родственников с той стороны майдана. И мне нравится бросать иногда взгляд на моего Гагарина. Чистого душой и сердцем. Лучшего с планеты Земля.

Такой он, мой Гагарин. Лучший из лучших. Сын Земли и Неба. Друг моего отца. Человек большого сердца и души. Сын великой страны, которой больше нет – Советского Союза. Нет, не так. Великой страны, в которой я родилась и которая всегда в моем сердце вместе с простым советским парнем Юрием Гагариным.

«Космос абсолютно счастлив»

Александр БАЛТИН

Ко Дню космонавтики

***

Русский провидец, поэт космоса Константин Циолковский утверждал, что оный космос абсолютно счастлив: не имея возможности проверить это, человек, тем не менее, вступил в новую эру взаимоотношений с глобальным пространством 12 апреля 1961 года…

Юрий Гагарин – из плазмы народной, из гущи русского человечьего разлива (или альтернативного космоса), покорил человечество не только результатом полёта, но и открытостью улыбки, которой позавидовали бы знаменитые кинозвёзды.

Разумеется, покорение космоса – звучит избыточно по отношению к человеческим возможностям; однако, жажда прорыва, томившая человека на протяжении веков, была отчасти удовлетворена.

Полётом грезили всегда, всегда мечтали о преодолении земного тяготения, и вот – свершилось: ракеты уходит в пределы, столь же мало изученные, сколь манящие, и первый космонавт, свершив запланированное, возвращается на землю триумфатором человеческой мысли и воли.

Открывается новая эра, и развитие внутри неё происходит с повышенной интенсивностью: с такой, что уже новые космонавты не вызывают буйного восторга, порождённого полётом Гагарина.

Космос становится ближе.

Проверить, счастлив ли он, как утверждал Циолковский, возможности так и не открылось, но свершённое заставило смотреть на мир иначе, расширив пределы мировосприятия людей и щедро пополняя общечеловеческую копилку знаний.

***

«Покорение космоса» звучит избыточно, учитывая человеческую малость (помноженную, увы, на гордыню) в сравнении с пространством, тем не менее, вряд ли возможно отрицать, что именно прорывы в области космонавтики превосходят – во многом – суммарные достижения во множестве других областей, демонстрируя, что мысль человека, позволившая создавать космические аппараты, столь же грандиозна, сколь и не имеет права замыкаться на земном.

Довольно обширный ныне отряд космических путешественников держится на двух китах: первом человеке, поднявшемся в космос, и первом, вышедшим в открытую бездну (оставим в стороне рассуждения Циолковского о том, что космос абсолютно счастлив, и весь пронизан белым золотом драгоценных лучений).

Конечно, с точки зрения человека он адекватен бездне; конечно, первый, шагнувший туда, навсегда вписан в драгоценные архивы лучшего, что было в человечестве.

***

Алексей Леонов…

Его жизнь шла из дебрей народных, из самых низов; его жизнь была трудна – вероятно, именно для того, чтобы полнее раскрылись его возможности и дарования.

Леонов проявлял их разнообразно: в школе у него открылся художественный талант, юноша предполагал учиться в художественной академии в Риге, но не имел возможности жить в чудном старинном городе.

По комсомольскому набору Леонов окончил военную авиационную школу лётчиков, а через несколько лет после завершения учёбы в Чугуевском военно-авиационном училище был зачислен в первый отряд советских космонавтов.

Вероятно, сумма личных качеств Леонова сложила схему дальнейшей его судьбы, ибо понятие «судьба» так и остаётся не расшифрованным в человеческом обиходе: не подлежит приручению и не демонстрирует открыто свой норов: так или иначе, именно Алексей Леонов в 1965 году, проявляя мужество, переходящее границы обыденности, выходит в открытый космос.

Нештатная ситуация, когда раздувшийся скафандр мешал его возвращению на корабль, не смогла сломить великий акт мужества и духовной воли: полёт завершился успешно.

История человечества формируется многими событиями, и чрезвычайно многими людьми, и то, что имена определённых героев уже не исторгнуть из хранилищ былого, свидетельствует о лучшем, к чему способен человек.

И Алексей Леонов – сияющий пример этого.